

Евросоюз: время бифуркаций

Пефтиев Владимир Ильич

доктор экономических наук, почетный профессор

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный педагогический университет имени К.Д. Ушинского», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: econom.teoria@yandex.ru

Титова Людмила Анатольевна

кандидат экономических наук, доцент

ФГБОУ ВО «Ярославский государственный университет имени П.Г. Демидова», г. Ярославль, Российская Федерация

E-mail: lux22@yandex.ru

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА.

геополитика, глобализация, Евросоюз, Украина, конкурентоспособность, политический ландшафт Евросоюза, санкции, специальная военная операция (СВО)

АННОТАЦИЯ.

Статья нацелена на поиск глубинных причин конфронтационной политики властей Евросоюза (ЕС) вместе с США и НАТО к России («атлантическая солидарность»). Учтены сдвиги в масштабах конкурентоспособности: выдвижение группы БРИКС и группы «5» (Китай, Индия, Малайзия, Индонезия, Вьетнам), относительная потеря США ключевых позиций в геоэкономике, структурная неконкурентоспособность учредителей ЕС (Франции, Германии, Италии). Отражены такие изменения в геополитическом потенциале Евросоюза (+ Великобритания), как милитаризация экономики, расхождение взглядов в вопросе оказания помощи Украине, реконфигурация политического ландшафта в Европе. Устойчивость ЕС расшатывается проявлениями сепаратизма, подавленным из-за санкций состоянием европейского бизнеса, рисками конфликта поколений. Рассмотрены истоки и последствия деиндустриализации ведущих экономик Европейского Союза, среди которых оказались Германия и Франция. Высказаны авторские прогнозы по украинскому кризису и конфронтации между Россией и НАТО, которая создает угрозу глобальной катастрофы. Разорительная гонка вооружений является ловушкой для ЕС и НАТО, шок для финансов и благосостояния населения континентальной Европы и Великобритании. Европу вновь ожидают волнения, связанные с недовольством населения и бизнеса в отношении усиления оборонной политики, проводимой Европейской Комиссией, в планах которой создание единого рынка вооружений и общего военного фонда. Стратеги НАТО обсуждают варианты развития событий на Украине, предлагая следующие сценарии: отторжение отдельных территорий Украины, восстановление суверенитета при условии использования ее ресурсов и активов в интересах ТНК G7, ползучая интеграция Украины в НАТО при декларациях о ее нейтралитете, то есть своего рода вассалитет под прикрытием.

JEL codes: F51; F42; F02

DOI: <https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-1-115-127>

Для цитирования: Пефтиев, В.И. Евросоюз: время бифуркаций / В.И. Пефтиев, Л.А. Титова. - Текст : электронный // Теоретическая экономика. - 2025 - №1. - С.115-127. - URL: <http://www.theoreticaleconomy.ru> (Дата публикации: 30.01.2025)

Введение

Глобализация модифицирует с рубежа XX – XXI вв., но не отменяет органическую связь между экономикой и политикой, смежными отраслями знаний о Человеке и Обществе. Этот симбиоз закреплен в неологизме А. де Монкретьена (1615) – политическая экономия. Гениальная догадка француза продолжает жить в переменах, описываемых «глобальной политэкономией» и аналоговыми понятиями [4, 13]. Формулу связи экономики и политики в XXI в. можно выразить следующими тезисами: 1) Политика побеждает экономику, 2) ищите экономику в военных конфликтах и конфронтационной конкуренции. В этом дуализме отражается совокупность трансформаций, вызванных кризисом глобализации, начавшейся еще в 2009 г. Проведем обзор основных изменений, произошедших за последние годы в геоэкономике.

В настоящее время концепция экономической войны становится главным критерием понимания международных конфликтов, характер которых изменился от военных к экономическим, что находит проявление в следующем: вооруженные конфронтации требуют огромных денежных вливаний, связанных с обеспечением технологического лидерства, а не превосходства в численности войск. Также стоит учитывать и тот фактор, что уровень развития военных технологий (ядерное оружие), может привести к реальным угрозам для половины человечества, поэтому уход в экономическое протivостояние видится более рациональным.

Экономическая политика США на протяжении десятилетий была обусловлена именно геополитическими соображениями, не смотря на то, что правительство США повсеместно заявляет о незыблемости принципов свободной торговли и глобализации мировых рынков.

Процессы глобализации, захватившие мир, начиная с конца XX века, должны были принести взаимные выгоды все участникам экономической деятельности. В учебной и научной литературе подробно описывались ее предпосылки и положительные последствия для экономик стран, хозяйствующих субъектов и населения в целом. Однако, по прошествии двадцати с лишним лет уже можно сделать вывод о неоднозначности этого масштабного политико-экономического феномена и о неравномерности распределения выгод, а также о некоторой непредсказуемости его последствий и пересмотре ранее выдвинутых прогнозов.

Для многих экономистов сущность глобализации неизбежно связана с пересмотром методов ведения хозяйственной деятельности и передислокацией промышленного сектора, реального производства, в страны с формирующимися рынками. Значительное старение населения в благополучных странах Запада и распространение новых трендов в сфере образования привело к тому, что отрасли промышленного производства стали показывать значительно меньший прирост в сравнении со сферой услуг. В развивающихся и менее благополучных странах все еще наблюдается рост рождаемости и высокая доля молодого и экономически активного населения, занятого в промышленном секторе, что в совокупности обеспечивает повышенный спрос и относительно низкие производственные затраты, связанные не только с близостью сырьевой базы к местам обработки и переработки, но и с низким уровнем жизни и невысоким уровнем средней заработной платы. Все это явилось дополнительным фактором, обусловившим миграцию капитала из западных стран в направлении Востока и Азии.

По мнению ученых-экономистов [29, 33] промышленно развитые страны сами сделали свой осознанный выбор около 30 лет назад, переместив все промежуточное промышленное производство за пределы своих национальных границ, сделав южные страны «фабрикой мира». Европа сама определила свое будущее благодаря ужесточению норм экологического законодательства, ожиданиями умеренно низких темпов экономического роста, необходимостью сокращения задолженности компаний, санкционная война против России – все это, в конечном итоге, ведет к ограничению и снижению инвестиций во внутренний промышленный сектор. Стоит отметить, что деиндустриализация в Европе не является однородной. Структурные изменения, произошедшие в международной торговле, начиная с 2000 г., это демонстрируют. Среди стран-членов ЕС выделяются те, которые смогли сохранить свои позиции или показали несущественное снижение производственных и торговых показателей, к ним относятся Италия, Австрия, Швеция, Бельгия, Нидерланды и Германия. А вот испанская и французская промышленность продемонстрировала серьезный спад [30].

Не-Запад даже в самом сокращенном составе уверенно наращивает свой экономический потенциал. Высокие темпы роста ВВП показывает группа «5», в которую входят Китай, Индия, Малайзия, Индонезия, Вьетнам. Если обратиться к прошлым прогнозам, опубликованным МВФ, то согласно оценкам западных экспертов, общий вклад стран БРИКС в мировую экономику будет отставать от вклада G7 и лишь не ранее 2032 года ситуация сможет измениться. Однако, в очередной раз экономические прогнозы не оправдались, и стало очевидно, что Запад недооценивает потенциал БРИКС в целом и России в частности.

Страны БРИКС уже в 2020 году имели такой же вклад в мировой ВВП, как страны «большой семерки», а к 2028 году ожидается, что на их долю будет и вовсе приходиться до 40% мирового ВВП. Вспомним, что в 2000 году ВВП пяти стран, планирующих создать БРИКС, составлял 18,1% мирового ВВП по паритету покупательной способности (ППС). Доля БРИКС в мировом ВВП по ППС за 2024 год, по данным Всемирного банка, составила в совокупности 35,7%, однако, сохраняются диспаритеты по странам. Россия опередила Германию и Японию, заняв четвертое место в рейтинге Всемирного банка [32].

Западные аналитики предрекали быстрый крах российской экономике, сначала в связи с массовой санкционной атакой запада на российский бизнес, а затем с началом специальной военной операции (СВО) на Украине. Но, как мы видим, разрушительные прогнозы вновь не оправдались, и Россия продолжает развивать собственную инфраструктуру, финансировать многочисленные социальные и образовательные проекты, создает уникальную военную технику и оружие (беспилотные дроны-камикадзе, оснащенные искусственным интеллектом и компьютерным зрением, система «Орешник»). Полагаем, что расчет был простой: сначала с помощью санкций подорвать экономику нашей страны, а затем посредством разрушительных пессимистических прогнозов пошатнуть и разрушить социальную сплоченность. Но, к счастью, не одно из этих средств не возымело ожидаемого эффекта.

К началу СВО России на Украине по состоянию военно-промышленного комплекса (ВПК) ЕС и НАТО не были готовы к длительной конфронтации с Россией. Военная доктрина НАТО на стратегическое поражение России исходит из двух предпосылок: 1) эффект санкций и истощение ресурсов, 2) финансирование нужд Украины может выступать в роли дешевых инвестиций в безопасность США и ЕС. Однако, такие установки не срабатывают в отношении России.

Структурная неконкурентоспособность ЕС, в первую очередь его учредителей, к которым относятся Франция, Германия и Италия, является первопричиной разлада в его политике по украинской повестке, о чем свидетельствует появление «диссидентов» в единой Европе, к которым относят Венгрию и Словакию. Неконкурентоспособность охватывает социально значимые отрасли экономики: электроэнергетику, атомную энергетику, производство удобрений, пищевую промышленность, судостроение, производство высокотехнологичной электроники и полупроводников и др. В ЕС сохраняется изначальная неоднородность экономического пространства. В чрезвычайных субсидиях часто нуждаются такие страны, как Португалия, Ирландия, Италия, Греция и Испания, известная под аббревиатурой PIIGS.

Модель

Экономики Германии, Франции и зоны евро в целом балансировали в течении трех последних лет на грани спада, иногда уходя в техническую рецессию на два квартала подряд. Европейская комиссия регулярно предупреждает те или иные страны ЕС о превышении порогов безопасности по дефициту бюджета и госдолгу, выраженном в процентном отношении к ВВП. НАТО планирует на 2025 год увеличить военные расходы до 18%. Великобритания готова сократить социальные ассигнования, включая льготы для пенсионеров на отопления. В ЕС социальный секвестр наиболее ощутим в группе PIIGS, а также во Франции и отдельных землях Германии.

Политика обороны и защиты продолжает оставаться одним из ключевых приоритетов, которым следует ЕС в 2024 году, вероятно тенденция будет продолжена и в 2025. Основной целью Европейской Комиссии (ЕК) по-прежнему остается оказание военной и финансовой поддержки Украины.

Сегодня ЕК прорабатывает разные варианты развития европейской оборонно-промышленной стратегии (EDIS) и европейской инвестиционной программы (EDIP), главным приоритетом которой является содействие трансграничному сотрудничеству в области производства и закупок оружия для создания настоящего рынка вооружений, на проведение которой, по оценкам Тьерри Бретона, европейского комиссара на внутреннем рынке, ЕС необходимо создать фонд в 100 млрд. евро. Однако, уже высказываются опасения, связанные с непрозрачностью будущего фонда. Придерживаясь

принципов европейской интеграции о всеобщем согласии, всем членам ЕС и представителям (актерам) оборонного сектора были отправлены анкеты с целью оказания содействия в выработке общей стратегии. Пока европейцы рассуждают о будущем европейском фонде мира (EFF), Украина ждет продолжения поставок в миллион боеприпасов.

В июне 2025 года инвестиционная политика ЕС в области обороны может быть поставлена под сомнение. Нерешенные проблемы в области миграционной политики, повышение стоимости жизни, выделение средств на борьбу с климатическими изменениями волнуют европейских избирателей намного сильнее, чем озабоченность властей помощью Украине и созданием европейской армии. Следует учесть и тот факт, что восемь стран-членов ЕС, среди которых Франция, Италия и Польша, уже давно преодолели максимально допустимый порог государственного долга, который составляет 3% от ВВП.

НАТО, в свою очередь, также ждет некоторая неопределенность в связи с приходом нового генерального секретаря. Практически все члены НАТО, за исключением Люксембурга, согласились на увеличение своих военных расходов и теперь будут перечислять 2% своего ВВП на оборону.

Перенапряжение финансов ЕС ожидается в связи с решениями состоявшейся в Вашингтоне в июле 2024 г. юбилейной сессии НАТО об увеличении военных расходов, размещении дополнительных контингентов в Европе, дислокации там высокоточных дальнобойных ракет, наращивании военной помощи Киеву. Ожидается начало гонки вооружений на европейском континенте с неоднозначными последствиями для ВПК Франции, Германии, Швеции и Польши. Вероятно, она пройдет по трем направлениям. Первое - выгодные контракты для ВПК США и отдельных стран Европы под нужды текущих военных конфликтов на Украине, Ближнем Востоке и Тайване. Второе направление связано с производством высокотехнологичной продукции, апробированной на Украине, к которой относятся системы раннего предупреждения атак, ударные и разведывательные дроны, безэкипажные корабли и др. Третье направление относится только к избранным и включает в себя военные приборы, управляемые искусственным интеллектом, современные сверхзвуковые ракетные комплексы. Такой расклад потенциалов, несомненно, не в пользу Франции, постепенно вытесняемой с арены военно-технического соперничества. Ожидается схватка желаемого и возможного, ресурсов и военно-политической доктрины.

Деиндустриализация экономических флагманов ЕС Германии и Франции явилась третьим шоком после пандемии коронавируса и последующей рецессии. Перечислим главные последствия экономического спада, с которыми столкнулся ЕС. Отток капитала ТНК Европы в юрисдикции США, Китая и ЮВА. Переход на низкие технологические переделы. Сокращение производственных программ. Появление депрессивных территорий. Декарбонизация промышленности, явившаяся замыслом инициаторов энергоперехода от ископаемого топлива к «зеленой» энергетике, сочетается с использованием «грязных» производств и технологий.

Пандемия Ковид-19 обнажила многие скрытые проблемы даже в благополучной Европе, так Франция, известная своими фармацевтическими гигантами (Sanofi Pasteur, Les Laboratoires Pierre Fabre, Servier, Pierre Fabre Médicament и др.), столкнулась с нехваткой некоторых медикаментов и фармакологических ингредиентов, масок и респираторов). Доля промышленного сектора во Франции с начала 2000 гг. резко сократилась, что еще больше усугубилось последствиями финансового кризиса. Так, количество занятого населения в секторе обрабатывающей промышленности составила всего лишь 9% в 2019 году, для сравнения этот же показатель в 1995 году составлял 15%. В Германии, главный локомотив европейской промышленности и экономики в целом, этот же показатель на 2019 год составил 17%, показав сокращение на 5% почти за четверть века. Тенденция характерна для всей зоны евро. Добавленная стоимость французской промышленности составляет примерно 10% ВВП, для Германии этот показатель в два раза выше – 20% ВВП, а для зоны евро, за исключением Франции, он составил около 16%. Подобные низкие значения индустриального развития Франции связаны с тем, что в течение последних 20 лет происходил процесс постепенного переноса производственных

мощностей французских крупнейших предприятий за пределы страны.

Уже в 2003 году сальдо торгового баланса Франции в промышленности имело отрицательные значения, что является подтверждением предположений о потере структурной конкурентоспособности. Как и во всем мире инвесторы во Франции стали отдавать большее предпочтение отраслям в сфере услуг, особенно недвижимости, которые показывали максимальные показатели роста и эффективности, обеспечивая им максимально возможную прибыль, да еще и в достаточно короткие сроки. Безусловно, предприятия промышленного сектора не в состоянии обеспечить такую же норму доходности. Высокие производственные затраты и невозможность повысить цены по причине того, что французское производство находится в среднем сегменте – все это значительно ограничивало рентабельность производства.

Стоит отметить, что свою роль сыграли и европейские ценности, так рост благосостояния населения должен сопровождаться ростом его доходов, поэтому повышение заработной платы, начиная с 2005 года, стало значительно опережать прирост добавленной стоимости. В феврале 2000 года при правительстве премьер-министра Лионеля Жоспена вместо 39-часовой рабочей недели вводится 35-часовая, что вызвало большой общественный резонанс. Однако, не смотря на споры и разногласия представителей различных сфер общественной жизни, решение было принято и нормы должны были быть адаптированы французскими предприятиями. В итоге, конкурентоспособность французских товаров сократилась еще больше, ухудшив показатели промышленности, не помогло даже обещанное французским правительством введение компенсационных механизмов. С 2017 года произошло снижение налоговых выплат на заработную плату, что несколько повысило прибыльность французских промышленных предприятий, которые смогли вновь создавать новые рабочие места, привлекая рабочую силу.

Но корни проблемы деиндустриализации кроются в самой сути позиционирования французской промышленности, которая, как уже отмечалось выше, относится к среднему сегменту, поэтому производственные компании стали отдавать больше предпочтение децентрализации своих производств в целях сохранения имеющихся позиций на традиционных рынках и привлечения новых клиентов в странах с формирующимися рынками. Немецкие же промышленные предприятия, располагающиеся в более высоком сегменте, выбрали другой путь для обеспечения дальнейшего роста. В Германии промышленные предприятия, как правило, относятся к семейному бизнесу и привязаны к определенной территории страны, то есть содержат в себе некий элемент семейных ценностей и привязанности к «дому». Такая модель обусловила формирование иных типов производственных связей и цепочек по созданию промежуточной продукции и полуфабрикатов, в которых оказались задействованы иностранные субподрядчики-резиденты стран с формирующимися рынками или из Центральной Восточной Европы.

Сфера услуг показала достаточно высокие темпы прироста добавленной стоимости в сравнении с отраслями по созданию промышленной продукции, в которых наблюдался ее спад: плюс 60% и минус 8% соответственно за период с 1995 по 2019 гг. Таким образом, выбор инвесторам, отдавшим предпочтение сектору услуг, является вполне разумным и очевидным. К тому же, само население Европы под воздействием СМИ и распространением культуры нематериальных ценностей стало отдавать большее предпочтение в своем потребительском выборе туристической отрасли, развлечениям и отдыху, оздоровлению и прочее.

Сами французы желали бы вернуть прежний статус промышленной европейской державы своей стране, пусть не лидерские позиции, но положение в списке сильнейших. Филипп Кревель, учредитель общества экономических и стратегических исследований, видит два принципиальных пути обратить дела вспять. Деиндустриализация – процесс управляемый и обратимый.

Первая идея связана с усилением государственного вмешательства в экономику, все-таки политика дирижизма прочно закрепилась во французском национальном сознании. Население желало наблюдать бы усиление воздействия государства на экономику и некоторую директивность

государственного контроля в таких отраслях, как информационные технологии, здравоохранение, создание электронных устройств, собственно, в тех отраслях, которые являются ключевыми точками роста в современном мире и обеспечивают будущее развитие экономике страны. Но очевидно, что предстоит серьезный пересмотр схем и рычагов влияния, поскольку имеющийся опыт вмешательства государства в такие отрасли как черная металлургия, производство бумаги, станкостроение, не увенчалось значительным успехом, также как, и многочисленные расчеты и программы по развитию информационных технологий. В этом плане, стоит обратиться на Восток и присмотреться к опыту Китая, поразившего недавно весь мир своими разработками в сфере искусственного интеллекта, представив миру на обозрение серьезного конкурента американскому AI DeepSeek.

Второй путь реиндустриализации страны видится в косвенном воздействии и стимулировании инвестиций во французскую промышленность, то есть речь идет о снижении налоговой нагрузки на производственный сектор. Так, налоговые сборы с французских предприятий на 7% превышают налоги, уплачиваемые производственными компаниями в Германии, и на 5% выше, чем в еврозоне, они составляют 17%, 10% и 12% от ВВП соответственно [31].

Деиндустриализация, происходящая в Европе – тренд сложного происхождения, продукт многовекторности в геоэкономике и геополитике. Причин у этого процесса можно выделить несколько, но мы остановимся на трех ключевых. Во-первых, это рукотворный эффект санкций, то есть имеющих нерыночное происхождение. Во-вторых, «созидательное разрушение» (Й. Шумпетер), вытекающее из противоречивости процесса трансформации экономики и общества. В-третьих, проявление однополярной глобализации, «травмирующей» международные отношения. Эта конфронтационная сила, хотя и является жесткой, но имеет короткий жизненный цикл, несет в себе хаос, стратегическую неопределенность, подрывая сложившиеся устои миропорядка и ведущая к катастрофе глобального масштаба.

В настоящий момент видимые и невидимые приметы деиндустриализации в ЕС не дают достаточных оснований для избыточных ожиданий ослабления экономического потенциала Германии и Франции из-за санкций против России и вовлеченности в украинский кризис. Имеющиеся издержки велики, но имеют разнородную природу: релокация транспортных и товарных потоков по макрорегионам; побочный эффект пандемии, рецессии и структурной модернизации; отрицательный баланс приобретений и потерь во взаимоотношениях с США и НАТО. Тревогу вызывает также перенапряжение финансов, проявляющееся в хронически высоком дефиците бюджета, растущий государственный долг, нерешенные проблемы с ростом мигрантов и беженцев. К сказанному выше стоит добавить шаткость президентской власти во Франции и ослабление влияния О. Шольца в Германии. Но самый мощный подрыв экономического суверенитета европейских флагманов видится нам в непродуманной гонке вооружений, навязанной рекомендациями НАТО и давлением генералитета ВПК, что может отдалить или сорвать выполнения плана прорыва по технологиям, намеченного на 2027 год.

Результаты и обсуждение

Разлад между властью и жителями Европы накапливался и напоминал о себе забастовками, как мирными, так и разрушительными акциями протеста фермеров, бюджетников и профсоюзов. С лета 2024 года сложилась матрица общественного недовольства. Сейчас наступило время избирательных компаний, то есть время бифуркаций. Прошли выборы в Европарламент, национальные палаты и региональные органы власти. Перемены масштабны и поучительны. В. Орбан, премьер Венгрии, сравнивает их с последствиями «политического землетрясения». Глава аналитического центра «Обсерво» Арно Дюбьен допускает, что после внеочередных выборов во Франции страна перестанет быть управляемой, повторит блуждания Четвертой республики [7, С. 3].

Старое и новое руководство Евросоюза держит серьезный экзамен на доверие избирателей не только по ключевым вопросам интеграционной и внутренней политики, но и безопасности на континенте. Предвидим фрагментацию правящей элиты на паникеров-безумцев, современных

нигилистов и рационалистов-аналитиков. Каков будет расклад сил в ЕС и в каждой стране? Общественная практика сама расставит акценты. Первым добился компромисса с генеральным секретарем НАТО Й. Столтенбергом В. Орбан. Которая не помогает Украине ни оружием, ни деньгами и не блокирует решения Евросовета. Она добровольно участвует в акциях альянса за границами его зоны ответственности, то есть в третьих странах. Такой тактикой В. Орбан парировал обвинения в «диссидентстве». Однако, за этим последовал финансовый шантаж от суда ЕС за отступление от общей миграционной политики.

Устойчивость ЕС расшатывают проявления сепаратизма, недовольство унитарностью власти в многонациональных странах. За независимость и усиление автономии проводила общенациональный референдум Каталония в 2014 и 2017 гг. и Шотландия в 2014 г. Существуют малые партии и группы, призывающие последовать примеру Великобритании за выход из ЕС, например, Венгрия, Франция, Греция, Польша. Диффузию сепаратизма могут стимулировать необдуманные шаги НАТО и безответственных политиков, которые отодвигают на неопределенное время будущие решения по «спящим» темам региональной политики, амнистии бывшим политзаключенным и другое [23].

Европейский бизнес на текущий момент находится в подавленном состоянии. Он сильно зарегулирован и вынужден оправдываться за уход в «тень», что вызвано: 1) глобальными шоками [20]; б) безумными санкциями-бумерангами; в) собственной слабостью. Отток капитала становится не только спонтанным, нецелесообразным, но и неуправляемым для регуляторов самого высокого ранга. Сценарий развития событий видится пессимистическим, но это нельзя игнорировать. Для восстановления нарушенной логистики бизнесу приходится прибегать к реконфигурации цепочек формирования и движения источника добавленной стоимости, являющейся источником сверхприбыли. Бизнес-задача требует многосторонней кооперации экспортеров и импортеров, производителей и потребителей [11].

В то время пока бизнес и население стран «коллективного» Запада пытается справиться с трудностями переходного периода, национальные правительства и единые институциональные структуры продолжают оказывать широкомасштабную поддержку Украины, которая включает в себя не только поставку вооружения и оказание гуманитарной помощи местному населению, но и огромные финансовые вливания, о чем свидетельствуют данные диаграммы на рисунке 1. Несомненно, лидерские позиции на протяжении всего срока конфликта удерживают США и коллективные европейские организации и фонды, помощь отдельные европейский стран по сравнению с ними в десять раз меньше по величине денежных вливаний в долларах США. Однако, если провести анализ отчислений, измеряемых в процентном отношении к ВВП стран, то здесь на первое место выходят Дания (2,2%), Великобритания и Швеция (по 0,9% у обеих стран). Германия и Франция, чьи лидеры активнее всех остальных призывают к усилению поддержки Украины и ужесточению санкционных мер против России, выделяют наименьшую часть своего ВВП на поддержку украинской стороны. Такой диссонанс вызывает массовые недовольства как со стороны правящих структур, так и населения тех стран, которые меньше по размеру, но вносят более весомый вклад в поддержку, так называемой, европейской демократии.

Назревают значимые перемены в составе политической элиты Европы. На выборах в Европарламент оппозиционные партии и движения потеснили представителей правящей элиты Германии и Франции. Консерватор Р. Сунак уступил пост премьер-министра правительства лейбористу К. Сталкеру. Венгрия и Словакия критикуют руководящие органы ЕС, особенно главу ЕК Урсулу Фон Дер Лайн за безоглядную поддержку нелегитимного президента Украины. Во Франции 40-летний Ж. Барделла от «Национального объединения» Жан Мари Ле Пен пользуются поддержкой молодежи, интеллигенции, ряда профсоюзов. На наш взгляд, неизбежен конфликт поколений.

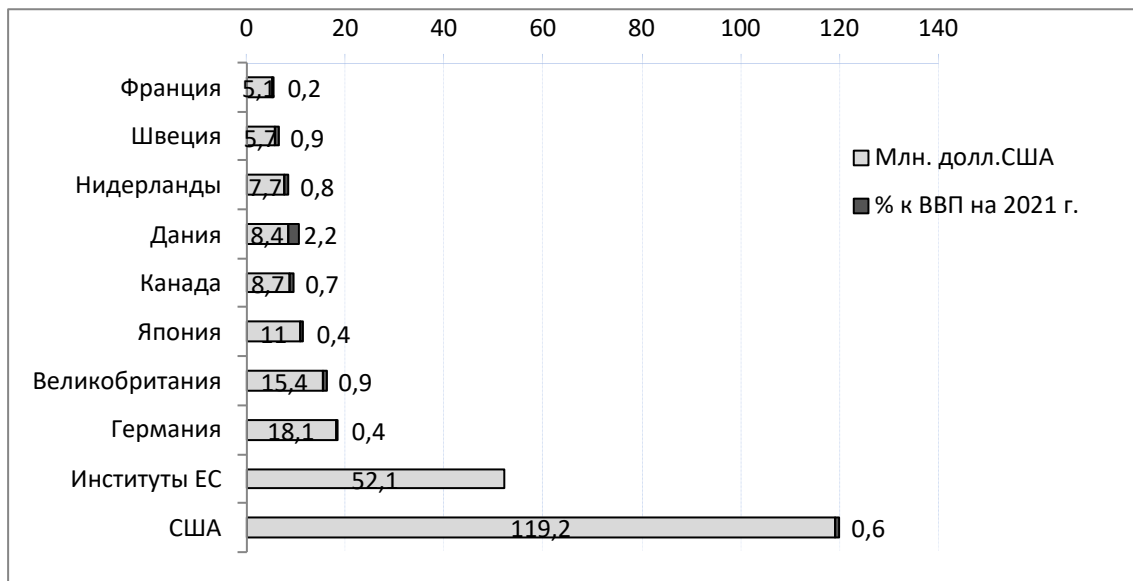

Рисунок 1 – Страны, оказывающие максимальную помощь Украине

Источник: *Ukraine Support Tracker* [34].

Что же происходит в Европе: катарсис и / или патология. Если подойти к этому вопросу издали, с точки зрения психологии, и с обзора того, что обозримо (синдром власти в Европе). Срыв Стамбульских договоренностей по Украине при посредничестве Турции, являющейся членом НАТО, на наш взгляд, объясняется соединением несоединимого: страха, мести, фантазии – композитный продукт геополитики. Страх Европы двойной: во-первых, США могут прибегнуть к шантажу Германии по снятию «ядерного зонтика» и перемещению войск НАТО в другие регионы ЕС, а Франция слаба в защите европейского континента без европейской армии; во-вторых, Россия способна разгромить профессиональную армию и ВПК Украины без военной помощи США и НАТО за короткие сроки. Месть в виде санкций против России – это тоже страх Европы перед ресурсами России и ее ВПК. Страх и месть, как показал опыт СВО, не дают ожидаемого экономического эффекта. И тогда наступает очередь фантазий на военные темы, что не подлежит обсуждению: отправка войск НАТО на Украину, удары высоко точным и дальнобойным оружием по критически важным объектам России, передача тактических ядерных боеприпасов Украине. Эта триада (страх, месть и фантазии) США, ЕС, НАТО – это, своего рода, политическая пандемия (инфекция), задуманная Западом против России, направленная на ее ментальное разрушение и капитуляцию. Она может быть описана и как безумие в словах и делах, примета заката имперского мышления.

За безумием Евросоюза скрываются вполне прагматичные цели относительно Украины и России. Во-первых, взять под контроль ресурсы Украины, вассала ЕС и НАТО: земли полезные ископаемые, конкурентоспособные предприятия и некоторые важные инфраструктурные объекты. Во-вторых, приватизировать «замороженные активы» Банка России, евробонды, вклады и имущество граждан и фирм. В-третьих, осуществить территориальный раздел Украины. Что же касается потенциального катарсиса в Европе, то его шансы, полагаем, минимальны. Надеемся, что время станет лучшим лекарством. Впереди новые бифуркации, поворотные точки в политической истории России, Европы, Не-Запада. Война изменяет все. Древнегреческое изречение вполне приложимо и актуально для ситуации СВО России на Украине. С этой операции начинается «Февральская революция» 2022 года. НАТО иммобилизует ресурсы для войны с Россией. Война - это всегда петляющая дорога, скрывающаяся за горизонтом.

Незавершенная государственность Украины вытекает из хитросплетений истории и волюнтаризма, с частым перекраиванием границ. Могучий Днепр то сближал, то отдалял братские славянские народы. Взаимные «травмы» любого происхождения не проходят без потерь, заблуждений и противостояний. Непротивление нацизму, экстремизму, сепаратизму обернулось

трагедией: Украины с ее нынешней властью стала анти-Россией. Таково авторское предисловие к обзору оценок и прогнозов по украинскому кризису. Не согласны с паническими утверждениями о том, что ядерные удары неизбежны и необходимы. Раздвигая контуры украинского «досье» через выявление среднесрочных последствий для ЕС, попытаемся представить сегодняшние дискуссии компактно, отделяя риторику и важную информацию.

В своем выступлении перед руководящим составом МИД России в июне 2024 года В. Путин сформулировал базовые условия переговоров по урегулированию украинского конфликта, среди которых принципиальными являются: нейтральный, внеблоковый, безъядерный статус Украины; демилитаризация и денацификация страны; признание новых регионов России; отмена санкций; полный вывод ВСУ с территорий Донбасса, Запорожья и Херсонской области в административных границах 1991 года. Вероятно, Запад не пойдет на эти условия, и на обсуждения плана по примирению уйдут годы, поскольку результатом должно стать не временное перемирие, а завершение конфликта.

Предполагаем, что президенты Э. Макрон и О. Шольц будут вынуждены разрываться между урегулированием «домашних» проблем и вовлечением в военных украинских конфликт. Со временем сократятся денежные потоки и военные поставки с уменьшением числа спонсоров киевского режима. Соглашения и договоренности о гарантиях безопасности от лица США, ЕС и НАТО являются ничтожными по причине нелегитимности президента В. Зеленского. Они несостоятельны, поскольку игнорируют реалии СВО России на Украине. Бесперспективность надежд Украины на поддержку Евросоюза очевидна по причине его неустойчивости как партнера в геополитических отношениях.

Медийное обхаживание Украины, из которой делают жертву «агрессии» России, напоминает искаженное воспроизведение древнегреческого мифа о нимфе Эхо, которая зачахла от безнадежной любви к нарциссу, и от нее остался лишь слабый голос. Такая же участь ждет и Украину в ее безоглядной любви к Европе и ее выбору. ЕС и Великобритания еще успеют испытать на себе все последствия развернутой войны против России. В этом страновом альянсе проигрывают обе стороны.

Личность Э. Макрона является иллюстрацией к тому, каким образом человеческий фактор способен влиять на отношения в геополитике. При всей своей харизме (знаток литературы, превосходный музыкант) он вряд ли заменит славу Л. Гамбетта, одного из основателей Третьей республики (1870 – 1940) [26]. Э. Макрон карикатурно воспроизводит легендарную форму власти Людовика XIV «Государство – это я». Тьма единоличных реалий, в том числе и внеочередные выборы в Национальное собрание Франции [7]. Он мнит себя военным вождем Евросоюза ради эфемерных переговоров с В. Путиным с позиции силы. Вероятна политическая аритмия во Франции в течение последующих трех лет.

Политологи находятся в замешательстве. Украинский кризис перешагнул рубеж десятилетия, начавшись в 2014 году с «цветных» революций. Эскалация конфликта и тогда, и сейчас маскируется переговорной риторикой, исходящей из Киева и европейских столиц. Отсюда появляются и нюансы в прогнозах и оценках политологов (терминологическая новация Р. Барта), а ведь детали предвосхищают возможные сценарии развития событий и их отдельные эпизоды [3].

Н.А. Арбатова (ИМЭМО) допускает худшее для НАТО и России – аналог Берлинского кризиса 1948 – 1949 гг. и создания Берлинской стены в 1961 г. Во избежание тяжелых последствий необходимо сохранять Организацию по безопасности и сотрудничеству в Европе (ОБСЕ) [1].

А.А. Храмчихин, военный эксперт, говорит о том, что экономическая зависимость от Запада – это проблема не Украины, потому как долги она никогда не вернет [25].

П. Леви, посол Франции в Москве, утверждает, что идея Э. Макрона послать на Украину военных советников и инструкторов – это лишь гипотеза в рамках общих дебатов, проводимых в НАТО [13].

А. Безруков (ИМЭМО) видит переговоры США и России неизбежными. Договариваться с Д. Трампом должно быть легче и одновременно труднее, все будут определять повестки встреч и сопутствующие обстоятельства. Прогнозы множатся, но только время покажет, кто точнее уловил контуры ближайшего будущего [18].

Академик А. Арбатов (ИМЭМО) предполагает, что только при договоренности по СНВ-3 между Россией и США (плюс Великобритания, Франция, Китай) возможна конструктивная перестройка миропорядка [1].

Заключение

Брутальный и странный разрыв Францией и Германией отношений с Россией, начавшийся в 2014 году с их поддержки государственного переворота на Украине и достигший апогея в 2022 году, - это величайшая стратегическая ошибка А. Меркель, Э. Макрона, О. Шольца, руководства ЕС и НАТО. Ее динамика и даже эскалация, судя по хронике дальнейшей конфронтации, будет означать: 1) иррациональный финал экономического «чуда» ФРГ, 2) фиаско амбиций Франции на лидерство в Евросоюзе, 3) болезненные надломы в организме едином ЕС как уникального интеграционного проекта. Таков авторский прогноз эволюции Европы (против России и без нее) до завершения текущего десятилетия.

Современная версия ловушки Фукидида (разлад между ЕС и Россией с явными выгодами для США) создает риски глобальной катастрофы, как с применением ядерного оружия, так и без такового. За военным конфликтом на Украине могут последовать опасные для мира кризисы на Ближнем Востоке и Корейском полуострове, вокруг о. Тайвань и в Африке. Разорительная гонка вооружений – это ловушка для ЕС и НАТО, шок для финансов и подрыв благосостояния миллионов граждан континентальной Европы и Великобритании.

Если не отрываться от реальности и не успокаивать себя иллюзиями, то правящая элита Европы-27 попала в водоворот стрессов и растерянности и пока не находит выхода из украинского тупика: достичь стратегического поражения России – изначальное заблуждение. Остальные сценарии развития событий в Европе, на наш взгляд, таковы: 1) предпочтет остаться вовлеченной в этот конфликт на годы и десятилетия, 2) постарается уйти от ответственности под удобным предлогом, 3) преступит к переговорам о равной и неделимой безопасности для всех стран ЕС. Власти и народы должны сделать этот выбор.

Расчеты и просчеты политиков – деятельность здоровая и импульсивная, но география и история неумолимы: ЕС и Россия – соседи, с особым набором взаимных интересов на сосуществование после окончания военных действий. Что же тревожит Россию? Первые лица Европы рискуют потерять суверенитет, самостоятельность в принятии решений под напором США и НАТО. Слабеет идея о конкурентоспособности ЕС в сравнении с Китаем, Индией и странами Юго-Восточной Азии. Евро постепенно теряет свой статус мировой валюты и надежного платежного инструмента [9]. Продолжается американизация политической элиты в ЕС, особенно во Франции (Н. Саркози, Ф. Олланд, Э. Макрон). Надвигается системный кризис в финансах, госдолг уже превышает пороги устойчивости, в экономике наблюдается деиндустриализация, в энергетике нарастает конкуренция между ископаемым топливом и возобновляемыми источниками энергии. Продлеваемые и обновляемые санкции против России, Китая и Ирана вынуждают европейских инвесторов, включая крупнейшие ТНК, без экономической целесообразности прибегать к выводу капитала из этих стран и релокации бизнеса. Им грозит статус «перемещенных лиц» XXI века. Симптомы тревожны для ближайшего будущего Евросоюза и развития его отношений с Россией.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Арбатова Н.К. Распад системы коллективной европейской национальной безопасности // МЭ и МО. 2024. №6. С. 82 – 92.
2. Арбатов А. Несущая конструкция глобальной безопасности // МЭ и МО. 2024. №7. С. 5 – 24.
3. Барт Р. Лекция 27 января 1979 года в Коллеж де Франс // Неприкосновенный запас. 2023. №5. С. 141 – 156.
4. Бек У. Власть и отношения в эпоху глобализации. Новая всемирная политическая экономия / пер. с нем. Москва : Прогресс-Традиция; ИД «Территория будущего», 2007. 464 с.
5. Васильев В.И. Эволюция современной германской христианской демократии // МЭ и МО. 2024. №7. С. 57 – 67.
6. Григорьев Л. Неиндустриальная ориентация развития Китая // Экономист. 2024. №4. С. 50 – 51.
7. Дюбьен А. Французские выборы без победителя. Вернется ли страна к времени Четвертой республики? // Независимая газета. 2024. №129. С.3
8. Кониная Н.Ю. особенности рыночного положения европейских ТНК в современных условиях // Современная Европа. 2022. №4. С. 78 – 91.
9. Лаш Ф. Почему Запад не может выиграть: от Бреттон-Вудса к многофункциональному миру // Экономист. 2023. №12. С. 81 -83.
10. Лагард К. Международная роль евро. Аналитический обзор // Экономист. 2023. №9. С. 54 – 76.
11. Мальцев А.А. реконфигурация глобальных цепочек стоимости как мега-тренд современной глобализации // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. №2. С. 81 – 107.
12. Моисеев С.Р. Хайп вокруг (не)денежной (не)теории // Вопросы экономики. 2019. №9. С. 112 – 122.
13. Паниев Ю. Посол Франции в РФ Пьер Леви: «Верю в европейское будущее России» // Независимая газета. 2024, 31 июля. Режим доступа: https://www.ng.ru/world/2024-07-31/1_9061_france.html?ysclid=m6i53uaaxf636372112
14. Пефтиев В.И. Глобальная политэкономия: интерпретация феномена // Социально-политические исследования. 2018. №1. С. 53 – 63.
15. Пефтиев В.И., Титова Л.А. рецессия и геополитика: проблемное поле политэкономии. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2022. 167 с.
16. Пефтиев В.И., Титова Л.А. Евросоюз в геополитике: закат суверенитета. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 179 с.
17. Рабле Ф. Гаргантюа и Пантагрюэль. Москва : АСТ, 2003. 828 с.
18. Рубинский Ю.И., Сандеев А.И. поиск стратегии франко-германского тандема // Современная Европа, 2024. №1. С. 24 – 38.
19. «С Дональдом Трампом нам было бы и легче, и труднее» // Коммерсант. 2024, 1 августа. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/6865598?ysclid=m6i55kh6gw657714834>
20. Тебин П. Прогноз изменения военных расходов Великобритании // МЭ и МО. 2024. №3. С. 46 – 58.
21. Токвиль А. Старый порядок и революция / пер. с фр. Под ред. П.Г. Виноградова. Издание 4-ое. Москва : Товарищество И.Н. Кушнеров и Ко. 1905. 353 с.
22. Трофимов А.В., Скрыпник Д.В. Сокращение числа и размера суверенных дефолтов в мире: долгосрочный тренд или временное явление // Вопросы экономики. 2024. №5. С. 5 – 20.
23. Туров Н. Сепаратизм в современной Европе: Пространственный эффект политических изменений // МЭ и МО. 2024. №3. С. 59 – 68.
24. Холопов А. Бюджетная политика развитых стран: игра по правилам // МЭ и МО. 2024. №2. С. 5 – 15.
25. Храмчихин А.А. Борьба за мир при полной капитуляции // Независимое военное обозрение.

2024. №2. С. 1, 3.

26. Черкасов П.П. Рождение Третьей республики во Франции глазами российского дипломата // Новая и новейшая история. 2023. №6. С. 77 – 94.

27. Чернега В.Н. Внешняя политика Э. Макрона и державные перспективы Франции // Современная Европа. 2024. №3. С. 17 – 28.

28. Шелкунов М.Д., Сергеев С.А., Агапов О.Д. Эта многомерная и разноликая глобализация // Вопросы философии. 2023. №11. С. 92 – 103.

29. Artus P. A-t-on déjà observé des «réindustrialisations» de pays de l'OCDE? // Flash Économie. Natixis. 2011. № 199.

30. Buigues P.-A. L'industrie dans les pays européens. Des gagnants et des perdants face à la montée des pays émergents // Revue d'économie industrielle. 2011ю № 136. P. 199-210.

31. Crevel P. Comment endiguer la désindustrialisation en France? LesFrancais.press. Режим доступа: <https://lesfrancais.press/comment-endiguer-la-desindustrialisation-en-france/>

32. Kirill Strelnikov: Western 'experts' thought they would destroy Russia's economy. They failed. RT. Режим доступа: <https://www.rt.com/russia/575180-western-experts-russias-economy/>

33. Pastré O. Débat de politique industrielle. Au secours de l'industrie // Confrontations. 2010. № 90.

34. Ukraine Support Tracker. Режим доступа: <https://www.ifw-kiel.de/topics/war-against-ukraine/ukraine-support-tracker/>

The european union: a period of bifurcation

Peftiev Vladimir Ilyich

Doctor of Economic Sciences, Honorary Professor

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: econom.teoria@yandex.ru

Titova Liudmila Anatolievna

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor

Yaroslavl State University named after P.G. Demidov, Yaroslavl, Russian Federation

E-mail: luxe22@yandex.ru

KEYWORDS.

geopolitics, globalisation, the European Union, Ukraine, competitiveness, political landscape of the European Union, sanctions, special military operation (SMO)

ABSTRACT.

The article is aimed to find the fundamental causes of the confrontational policy of the European Union (EU) authorities in cooperation with the USA and NATO towards Russia («Atlantic consolidation»). The shifts in the scale of competitiveness are taken into account: the advancement of the BRICS group and the «5» group (China, India, Malaysia, Indonesia, Vietnam), the relative loss of key strategic positions in the geo-economy of the USA, the structural non-competitiveness of the EU founders (France, Germany, Italy). The changes in the geopolitical capacities of the EU (with the UK), such as their economy militarisation, the views divergence on the issue of aid to Ukraine and the reconfiguration of the political landscape in Europe are observed. The sustainability of the EU is undermined by manifestations of separatism, the depressed state of European business due to sanctions, and the risks of generational conflict. The sources and consequences of the deindustrialization of the leading economies of the European Union, including Germany and France, are considered. The author's predictions on the Ukrainian crisis and the confrontation between Russia and NATO, which poses a threat of global catastrophe are presented. A ruinous arms race is a trap for the EU and NATO, a shock to the finances and well-being of the population of continental Europe and the UK. Europe is once again facing unrest related to the discontent of the population and business regarding the strengthening of the defense policy pursued by the European Commission, which plans to create a single arms market and a common military fund. NATO strategists are discussing options for Ukraine, proposing the following scenarios: rejection of Ukraine's separate territories, restoration of its sovereignty on condition of using its resources and assets in the interests of G7 transnational companies, creeping integration of Ukraine into NATO while declaring its neutrality, i.e. a kind of vassality in disguise.
